

ОЛЕГ РЯБОВ

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

РАССКАЗ

Александр Васильевич вернулся доживать свой век в родной город. Именно его он решил считать родным. Ну, не военный же городок на Урале, где он появился на свет, а сейчас не может вспомнить даже его названия, считать родным! Или какой другой, где служил его отец-офицер. А потом и он мотался всю жизнь по родной стране и по заграницам, будучи главным инженером проектов “Газпрома” и осуществляя технический надзор за крупнейшими стройками века.

Конечно, родной город тот, где прошли лучшие годы жизни — детство и юность. Это время первой любви, первых самостоятельных решений, первых ошибок, обид и побед. Благо сыновей вырастил умных, сильных: один — банкир, другой — хозяин сети закусочных в Подмоскowie; сбросились сыновья и купили папке квартиру в центре этого города. Небольшая квартирка, двухкомнатная, в доме, который народ называл “китайской стеной”. А та, в столице, в Тёплом Стане, — да пусть она останется, как запасной аэродром!

Почти год уже живёт Александр Васильевич здесь со своей маленькой белой лайкой Норкой. Ни друзей, ни одноклассников, с кем можно было бы пообщаться душевно, он в городе не нашёл: либо спились безвозвратно, либо состарились до маразма, либо вели себя с ним пришибленно, как с московским начальником... Хотя грели воспоминания от прогулок по высокой

РЯБОВ Олег Алексеевич родился 1948 г. в городе Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А. А. Жданова. Редактор-издатель альманаха “Земляки”, председатель Нижегородского отделения Литературного Фонда России. Автор нескольких поэтических сборников и книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

Волжской набережной, по старинному кремлю, по знакомым тихим купеческим улочкам. Грело и то, что он нашёл могилку мамы на старом кладбище. Вот маме, наверное, повезло: она и родилась здесь, и нашла свой последний приют. Только рано мама ушла.

Он разыскал на кладбище старую металлическую пирамидку, на которой увидел свою фамилию. Заплатив кому надо и сколько надо, уже через три недели на месте ржавого надгробия он поставил памятник из розового мрамора с портретом улыбающейся мамы.

Про того единственного человека, с которым Александр Васильевич хотел бы встретиться и кого хотел бы увидеть, он боялся даже думать. Он представлял, во что могла превратиться в шестьдесят лет та, которая переполняла его в молодости гормонами и эмоциями, заставляя делать глупости... Он понимал, что встречаться не надо, а прикладывать к этому усилия — тем более.

Во дворе он уже знал всех пенсионеров своего возраста, которые выходили гулять, но контакты не завязывались, и мешал не столичный снобизм, нет — его не было, а был железный партийный стержень, который всю жизнь позволял ему принимать решения и брать на себя ответственность. Ещё министр Динков говорил ему и Виктору Черномырдину: “Это — большевизм! Он мешает вам. Выбросьте его из головы!” Но ничего Александр Васильевич не мог с этим поделать, и все, общаясь с ним, чувствовали, что пред ними начальник, а с начальниками откровенными не бывают.

Только две дамочки из соседнего дома, его же лет, но молодящиеся, позволяли себе заигрывать с ним. Он даже уговорил их называть его Сашей, а сам их звал Ниной и Катей. Они трепали его Норку, а та виляла хвостом и не возражала, хотя на остальных если и не рычала, то шерсть на загривке все же предупредительно поднимала дыбом. Для разговоров у дамочек были две темы: здоровье всех, проживавших в соседних домах, и личная жизнь президентов Америки. Он с удовольствием поддерживал такие разговоры и делился с ними рассказами о том, чем болели его друзья во Вьетнаме или в Тюмени и как лечат самые простые болезни в Тюмени или Вьетнаме. Нина с Катей чувствовали некую иронию в таких рассказах, но очень мудро не подавали вида, и ему начинало казаться, что это и есть правильное отношение к жизни.

Очень хотелось Александру Васильевичу сделать какой-нибудь подарок этим дворовым дамочкам, но он не мог придумать — какой: не по паре же золотых серёжек... Подарки он делать любил: как-то внутренне возбуждался, видя, что людям приятно его внимание. Решил он однажды пригласить Нину с Катей к себе в гости на чай. Те, не раздумывая, согласились.

Александр Васильевич застелил белой скатертью стол в гостиной, расставил красивые чайные тонкие чашки, купил дорогие конфеты и пирожные, два букетика последних ландышей с пожелтевшими и уже облетающими фарфоровыми нижними колокольчиками и отыскал бутылку совершенно женского вина: массажированного муската Красного камня.

Дворовые дамочки появились вовремя. Но вместо радостных восклицаний и шуток произошло нечто совсем неожиданное. По чёрным шляпкам и строгим лицам Александр Васильевич понял, что у его знакомых траур. В их возрасте потеря друзей и близких — не такая уж редкая вещь.

— Что случилось, мои дорогие? По ком траур?

Дамочки, дополняя друг друга, но не перебивая, рассказали:

— В соседнем дворе... в точечном доме за стадионом... жила наша хорошая подруга... Ирина Ивановна Старикова... она была прекрасным врачом педиатром... Она вчера умерла... последний год она лежала парализованная... Социальный работник за ней ухаживал... Родителей своих, папу с мамой, она ещё пять лет назад похоронила... Они тоже прекрасные врачи были, профессора... Ни детей, ни родственников у неё больше нет... и хоронить её некому... Вот мы и думаем — как быть...

Ирина Ивановна Старикова... Вот уж не полагал, что так придётся с ней встретиться, — подумал Александр Васильевич.

— Дамочки мои милые, — сказал он решительно, — отведите меня к ней. Я её похороню. Я сам всё сделаю.

Было время, и Сашка его застал, когда в самом центре старинного большого города можно было встретить сады, заполнявшиеся в мае бушующим морем цветущих вишен. И клумбы под окнами деревянных домиков с тюльпанами и нарциссами. И одуванчики цвели вдоль всех тротуаров.

Он стоял на балконе второго этажа нового дома, в котором дали квартиру папе, военному, приехавшему служить в этот город с Урала. Мама была счастлива: она в этом городе родилась и прожила большую часть жизни. Они с папой сидели на вешах, сваленных в кучу в большой комнате, а Сашка стоял на балконе. Он смотрел сверху, как в соседнем дворе, за высоким сплошным забором, девочка в голубеньком платьице, с белыми капроновыми бантами, вилетенными в коротенькие косички, играла с крупной белой лайкой. Девочка кричала: “Норка, ко мне!” Собака с разбегу прыгала на девочку, неуклюже зависала в воздухе, подогнув ноги и закидывая голову, и твёрдо садилась, прижав уши и свесив свой длинный и мокрый язык. Собака радовалась, а девочка брала её за уши и целовала в лоб. Похоже, они очень любили друг друга.

Мама с папой тоже вышли на балкон и встали рядом с Сашкой.

— По-моему, эту девочку зовут Ирой Стариковой, — сказала мама. — Мне подруга писала, что у Стариковых родилась девочка, но я её не видела. А девичья фамилия её мамы Гогина, Лида Гогина. И дом этот частный, “гогинский”. На этой улице почти все доходные дома когда-то были “гогинские”. Гогины такие богатеи были до революции. А когда в двадцатые годы, уже в советское время, собственность стали реквизируют, все Гогины разбежались от греха подальше: кто за границу, кто в Ленинград. И дома стали государственными. Только Лидочкиному папе, известному врачу, этот домик с палисадником оставили. После революции наркомом здравоохранения стал Семашко, замечательный человек, он-то и спас многих наших врачей, а может, и всю нашу медицину. Ввёл он тогда какое-то почётное звание, вроде “народного врача”, ну, прототип современного “почётного работника”, и оставили этим лучшим врачам частные дома, чтобы они могли принимать больных и в клиниках, и на дому. А так как Семашко ещё до революции некоторое время проработал у нас в городе, то первыми это звание и получили наши. Я знаю, что их было пять человек: Орнатский, Богуш, Ситников... И Лидин папа в этом списке был. Я его помню, чудный дядька...

В это время сквозь белые буруны цветущих вишен было видно, как открылась калитка, и в палисадник вошёл мужчина в светлых бежевых брюках, босоножках и белой рубашке-распашонке навыпуск. Девочка с криком: “Папка, я тебя люблю!” — бросилась к нему и повисла на шее. Мужчина прокрутил девочку вокруг себя и, держа на руках, зашагал к дому. Поднявшись по ступенькам крыльца, они скрылись на застеклённой веранде, а лайка несколько раз удивлённо гавкнула и уселась ждать.

Около подъезда стояли несколько любопытствующих старушек, по крайней мере, так хотелось их назвать Александру Васильевичу, и с ними беседовал уже не молодой капитан милиции. Александр Васильевич сразу сориентировался и подошёл к нему.

— Вы — участковый?

— Да, — небрежно ответил капитан.

— Я когда-то хорошо знал эту женщину, Ирину Ивановну. Можно сказать — я её первый муж.

— Ну и что? — сказал капитан.

Александр Васильевич достал из кармана пиджака старую визитку — благо сохранилась! — и протянул милиционеру. Тот прочитал её внимательно и, разглядев все должности и звания, совсем по-другому посмотрел на него.

— Капитан, её уже увезли?
— Да.
— А куда?
— Не знаю. В какой-то морг.
— Кто констатировал смерть? Участковый врач?
— Конечно. Она ведь давно болела.
— И кто её будет хоронить? И где?
— Не знаю. Наверное, социальные службы. На том кладбище, где место найдут.
— То есть как бомжа?
Милиционер пожал плечами.
— Капитан, я хочу похоронить её по-человечески. Помогите мне.
— Конечно, помогу, если смогу. Я ведь Ирину Ивановну тоже хорошо знал.
Александр Васильевич протянул капитану несколько пятитысячных бумажек.

— Возьми деньги... Сначала заберёшь у участкового врача справку, заедешь в загс, купишь приличный гроб и привезёшь покойницу. Отсюда будем хоронить. Если не хватит денег — скажешь. Если надо — закажи на целый день такси. А сейчас пойдём в квартиру — надо, чтобы наши дамы поискали там смертное. Или что-то приличное, в чём можно в гроб положить. Ну, они сообразят.

— Так там же опечатано!

— Капитан, ты же участковый! Значит, ты имеешь право распечатать! Не бойся, если что — я всё разрулю.

В комнатах был полный кавардак: кучи какого-то старья, тряпок, книг, и угнетающе пахло лекарствами. Пахло не теми лекарствами, которые говорят о болезни: пахло так, что всё говорило о смерти. Пахло смертью, она ещё не ушла отсюда, и Александр Васильевич чувствовал это. Женщины быстро нашли то, что было надо.

— Милые мои, друзья, а вы хоть знаете, на котором кладбище у неё родители похоронены?

— Конечно, — хором ответили дамочки. — Мы же были на похоронах.

— Тогда я поехал.

— А как же без свидетельства о смерти?

— Я договорюсь. Я там всех знаю. У меня на том же кладбище мама похоронена.

* * *

Они уже целовались. С десятого класса. Они гуляли по вечерам в сквере под фонарями, между сугробами, и целовались, а большая белая Норка разрешала им и даже немножко смущалась, отворачиваясь. Она зарывалась мордой в снег и делала вид, что там что-то ищет: то ли мышей, то ли замёрзшую косточку.

— Завтра мы идём с тобой на новогодний школьный бал в Дом офицеров. Папа нам билеты достал.

— Нет, Сашенька, я не смогу.

— Как? Почему?

— Мы с папой и мамой идём на концерт. Это уже решено.

— Но ведь мы же тоже с тобой решили, что пойдём на этот новогодний бал старшеклассников. Мы же с тобой говорили об этом две недели назад.

— Да, говорили. А вот теперь оказалось, что я не смогу.

— А как же я?

— Сашенька, я не хочу тебя обидеть. Просто я должна пойти с папой и мамой. Они так любят меня, и я их так люблю... Мы всегда должны быть вместе. Это наша семья.

Кладбище было старым, заросшим — прямо лес какой-то: липы, клёны, берёзы. На могилах — только мох да лесные ландыши. Маленькая церковь, скорее, даже часовня, аккуратная такая, праздничная. Никакой скорби в ней. Александр Васильевич всегда заходил в неё и покупал свечку, когда приходил к маме. Ставил свечку он по наитию, к той иконе, которая больше понравится. Он не разбирался в церковных правилах, но всегда поступал так, как положено. С детства усвоил, что необходимо выполнять общепринятые правила, если хочешь быть свободным.

Сейчас он отправился в контору кладбища, небольшой одноэтажный домик, стоящий рядом с храмом.

Мужики, сидевшие на лавочке у входа, курили. Они его узнали — мужики всегда помнят тех, кто им платил деньги. Вот в мужиках была и скорбь, и усталость. Несмотря на припекавшее уже солнце, сапоги их были покрыты рыжей влажной глиной, и лопаты, лежащие рядом, тоже были в глине.

— Здорово, мужики!

— Здорово, коли не шутишь!

— Поможете мне?

— А чего же не помочь доброму человеку.

— Тогда я загляну к вашему начальству, а потом пойдём работать.

В конторе, когда узнали его проблему, замахали руками: без справки из морга, без права на могилу?! И где её искать, эту могилу Стариковых, которые похоронены пять лет назад? Но деньги делали своё дело исправно, и через полчаса он с мужиками стоял у массивной ограды, за которой стояли два памятника из мраморной крошки. Ирина Ивановна позаботилась и о себе — место для третьей могилы было рядом с матерью.

Распрощались они навсегда в сквере, где часто целовались. Но оба они тогда не верили, точнее, не знали, что это навсегда. У каждого из них была в тот день своя правда, и каждому казалась, что его правда — правильнее... А заявление в загс было между тем было уже подано.

Дурманящий запах черёмухи. Ира стояла с веткой черёмухи в руке.

— Но я не могу с тобой уехать! — говорила она.

— Почему? Ведь мы же любим друг друга? Пойми: я мужчина, я должен работать с полной отдачей, я должен самореализоваться. А такая возможность у меня вряд ли когда ещё появится. В двадцать пять лет стать инспектором, заниматься техническим надзором за строительством крупнейшего в Европе газопровода!

— Понимаю. А я — что?

— Ты женщина. Ты должна рожать детей. Мы вместе будем их воспитывать, растить, любить. И это будет наша семья.

— Я — женщина? Должна рожать?

— Да. Я, к сожалению, при всём желании не смогу рожать детей.

— Но у меня ещё есть папа и мама. Они меня любят, и я их люблю. И я не могу их так бросить! Что — они останутся здесь одни, а мы уедем?! Мы можем и здесь жить, любить друг друга, иметь семью. У тебя ведь интересная профессия, хорошая работа. По крайней мере, ты так всегда говорил мне...

— Это не работа, это — служба... А раз в жизни мужчина должен рискнуть! Поставить высокую планку и попытаться её взять.

Обида за непонимание — до боли в груди.

Они и в тот день не верили, что видятся в последний раз.

Они тогда думали, что всё утрясётся.

Они же любили друг друга...

* * *

Александр Васильевич всё успел сделать.

И белый гроб стоял в большой комнате. И бегущую строку со словами соблезнования заказал на телевидении. И врачи-сослуживцы пришли. Гора цветов. И с отпеванием договорился, и с поминальным обедом в ближайшей столовой.

Сейчас, когда все пошли к автобусам, а он один на минуту остался перед холмиком жёлтой влажной глины, в нём не было ни капли скорби. Откуда-то нахлынули усталость, разочарование и обида. Это чувство было знакомо ему: так бывало, когда он заканчивал большую ответственную работу.

Первые снежинки облетающего черёмухового цвета, неспешно кружась, ложились на свежую могилку.

“Вот вы и навсегда вместе. Вот и любите друг друга...”